

ЛЕКСИКА РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

(на материале французско-русских соответствий)

Немногочисленная лексика родственных отношений, функционирующая в политическом дискурсе начала 90-х годов, является метафорической номинацией лица, политической организации, государства или социально-политического процесса. Она обладает значительными прагматическими возможностями, так как в современном политическом контексте получает новое семантическое и оценочное наполнение.

Слова “братский”, “брат”, “сестра” в советский период приобрели переносное идеологизированное значение и широко употреблялись в политической речи для характеристики отношений между республиками, социалистическими странами, коммунистическими партиями [5, 43]: “братский народ”, “братские республики”, “братская помощь”, “братские партии”, “народы-братья”, “республики-сёстры” и др. Расширение значения связывалось с привнесением позитивного оценочного элемента идеологической направленности в общую семантическую структуру слов.

Переход политического противостояния из внешней сфе-

ры во внутреннюю, разногласия между союзным центром и республиками обусловили оценочное переосмысление выражений “старший (младший) брат (сестра)”.

Отрицательное восприятие словосочетания “роль старшего брата” основывается не только на экстралингвистических факторах или конкретном речевом контексте, но и на словарном определении. Прилагательное “старший” означает “стоящий выше других по званию, должности, служебному положению” или “высший по степени, значению” [4, 762]. Таким образом, в семантике слова содержится указание на элемент неравенства, превосходства одного над другим. Изменение вектора оценочности отражается в новом словоупотреблении: “имперский комплекс “старшего брата” [38-91-5] (исследование, результаты которого предлагаются в данной статье, выполнено на материале сопоставительного анализа текстов общественно-политической тематики газет “Московские новости” и “Nouvelles de Moscou” за 1991 — первое полугодие 1992 гг. Числовому обозначению соответствует: № газеты — год — страница). Отрицательная рациональная оценка прагмемы “имперский” создаёт адгерентную коннотацию некогда положительного “старший брат”. Метафорическое сочетание со словами “синдром”, “комплекс”, “выздоровливать” вызывает ассоциации с болезнью, что усиливает эксплицитно выраженный идеологический компонент.

Изменило свою политическую окраску и выражение “младший брат”, которое в переносном значении обозначало “что-либо, появившееся позже другого, близкое ему” [3, 43]. Оттенок иронии звучит, например, в словосочетании “непокорный “младший брат” (об Украине) [52-91-6].

Поскольку идеологический компонент перемещается от существительных “брат”, “сестра” к прилагательным “старший”, “младший”, то они могут в предложении опускаться: “...гибель всей конструкции империи с её “старшими” и “младшими” [52-91-6].

Перенесение смыслового и оценочного акцента с одного элемента словосочетания на другой и изменение оценочного знака (плюс на минус) всей конструкции обусловило ироническое восприятие ЛЕ “брат”, “сестра” в политическом контексте и появление новых переносных значений: “преимущество кого-либо в чём-либо” и “неравноправное партнёрство” (не зафиксировано словарями), а также “господствующий член коалиции” (отмечено только в [2, 481]):

“Бывшие советские республики больше не хотят оставаться младшими сёстрами России” [38-91-6].

Выражение “старший брат” расширяет сферу функционирования и встречается в международных материалах, не имеющих отношения к СССР. Например, турецкий журналист называет США “старшим братом” Турции [23-92-12] или: Пхеньян активизирует свою ядерную программу, “воодушевлённый примером китайского “старшего брата” [23-92-9].

Идеологический компонент словосочетания “старший брат” не является однозначным: положительная или отрицательная характеристика зависит от того, в языковом поле каких политических сил оно употребляется.

Под влиянием идеологического фактора ЛЕ “frère”, “fraternel”, “fraternité” перешли во второй половине XVIII века из общеупотребительной сферы в политический дискурс и ста-

ли ключевыми словами революции 1789 года (например, известный лозунг: “Liberté, Egalité, Fraternité”) [1, 72].

Для современного французского политического лексикона слова “frère” и “soeur” не являются столь характерными и не имеют аналогичных советскому политическому языку переносных значений, за исключением “les partis-frères” (о политических партиях с одинаковыми идеалами) [9, 794]. Лексическая единица “frère” как просторечная и фамильярная означает “мужик”, “парень”, “дружище”. Переносное значение “люди, имеющие общие идеи, взгляды” свойственно высокому стилю.

Выражения “старший (младший) брат/сестра” в современном политическом узусе подвергаются смысловому и оценочному переосмыслению, которое улавливает русский читатель. Получатель французского текста, не знакомый хорошо с советским политическим словарём и не обладающий достаточной фоновой информацией, не воспринимает смсну коннотаций и привнесённую в новый контекст иронию. Однако, благодаря общечеловеческим ассоциациям, значение выражения “le complexe de “soeur aînée” ему становится доступным. Отрицательная оценочность выражена и в дистрибуции: “la psychose impériale du “grand frère” [38-91-5]. Замена ЛЕ “комплекс” на более экспрессивное “psychose” усиливает негативную эмоциональную оценку.

Допускаются во вторичном тексте и стилистические замены. Нейтральное “старший брат” имеет два соответствия “le frère aîné” и фамильярное “le grand frère”.

Русское выражение “старший брат” становится фразео-

логизмом и не всегда согласовывается в роде с определяемым словом:

“... давайте выздоравливать: Россия — от комплекса “старшего брата” [11-92-15].

В переводе происходит гипонимическая замена “брат”-“сестра”:

“... la Russie se débarrasse du complexe de “soeur aînée”.

“Семейная лексика” языка политики пополняется также ЛЕ “отец” и его стилевыми вариантами “папаша” и “пахан”, которые используются для обозначения руководителей разного уровня.

Нейтральное слово “отец”, употребляясь в высоком стиле, имеет переносное значение “родоначальник, основоположник ч.-н.” [4, 468]. Форма множественного числа “отцы города” является устаревшим наименованием городской власти и имеет иронический оттенок.

В современном политическом тексте происходит смешение возвышенного и архаичного, иронического, а сочетание с приобретшим отрицательную оценочность выражением “старший брат” снимает положительные коннотации и пиетет у словосочетания “отцы-основатели СНГ”. Слово “примкнуть” усиливает общую иронию фразы:

“Трудно также отделаться от ощущения, что “отцы-основатели” СНГ по крайней мере на данный момент претендуют на роль “старшего брата” (правда, единого в трёх лицах) по отношению к другим республикам, которым разрешено лишь “примкнуть” [51-91-8].

Замена коннотативно значимых “отцы-основатели” и

“примкнуть” на нейтральные “fondateur” и “laisser “adhérer” нивелирует эмоциональность и оценочность оригинала, хотя во французском языке ЛЕ “père” имеет такое же переносное значение, как и в русском: créateur”, “fondateur” [8, 1272]. Оценочный центр французской фразы сосредоточен на выражении “старший брат”, а также на глаголе “briguer” (домогаться интригами), который экспрессивнее русского “претендовать” и, в какой-то мере, компенсирует прагматическую недостаточность высказывания: “Et puis on a l'impression que les fondateurs briguent du moins au moment actuel — le rôle de “grand frère” (il est vrai, unique en trois personnes) par rapport aux autres républiques qu'on laisse “adhérer”.

Слово “папаша” не встречалось ранее в политическом дискурсе. Как фамильярное и просторечное оно является обращением к пожилому мужчине [4, 489] или ласковым обращением [6, 35], характерным, скорее, для архаичного употребления. Принадлежность к разговорному стилю обусловила наличие в семантике различных коннотаций: положительных (ласковая форма) и более распространённых негативных (сниженное, часто грубое по сравнению с “папа” или “отец”). В политической речи ЛЕ “папаша”, приобретая идеологический компонент, расширяет своё первоначальное значение и становится вторичной номинацией имени собственного — руководителя государства: “... хорошо жили при “папаше” [16-91-15], т.е. в застойные времена.

Отсутствие во французском варианте этой авторской метафоры создаёт коннотативную недостаточность по отношению к первичному тексту: “... combien bonne était leur vie à l'époque”.

Примечательно, что во французском политическом дискурсе общераспространённой была, например, форма “Tonton” (“дядюшка”), относящаяся к президенту Ф. Миттерану.

В отличие от “папаши”, слово “пахан” принадлежит к аргю преступного мира и имеет в общем узусе ярко выраженный негативно-оценочный компонент. Однако в своей специфической среде оно содержит положительные коннотации, обозначая “руководителя”, “главаря”. ЛЕ “пахан” расширяет своё значение, образуя в политическом дискурсе сочетания: “агропаханы”, [18-92-11], “новые “паханы” государств” [6-92-8]. Узуальная отрицательная оценка приобретает политическую ориентированность и превращается в идеологический компонент значения.

Семантическим неологизмам “паханы” государств” и “агропаханы” во французском тексте соответствуют аналитические конструкции “chef de file” [6-92-8] и “fonctionnaires véreux” [18-92-11]. Фразеологизм “chef de file” обозначает руководителя какой-либо иерархической структуры [8, 706] или флагман, головное предприятие [2, 190]. Оно относится также к полицейскому аргю (в рус. яз. — к воровскому) и имеет значение “maître” — “хозяин” [7, 149], “вожак” [2, 190].

Таким образом, экстенционал “chef de file” шире соответствующего “пахан”, поскольку ЛЕ принадлежит не только аргю, но и общеупотребительной лексике и обозначает как лицо, так и неодушевлённый объект.

Словосочетание “fonctionnaires véreux” — стилистически нейтрально. Отрицательный оценочный компонент перемещается в прилагательное “véreux”, употреблённое в переносном

значении, и связывается с семами “продажный” “нечестный” (служащий). В русском варианте основой негативной оценки является сема “преступный”, “криминальный”. Наблюдается и денотативное расхождение. “Агропахан” т.е. “руководитель в сельском хозяйстве”, благодаря синтетическому соединению двух основ, в понятийном плане более информативно, чем абстрактное “fonctionnaire” (служащий), не относящееся к конкретной экономической сфере. Во французском тексте поэтому не передана такая характерная особенность ключевых слов текущего момента, как игра слов “пахарь” и “пахан”:

“... очередной милостыней, предназначенной якобы всем пахарям, и неотвратимо попадающей к агропаханам” [18-92-11].

ЛЕ “пахарь” в переводе опущена:

“Ils doivent être accordés à ceux qui sont capables de les utiliser à bon escient et non pas à des fonctionnaires véreux”.

Стилистически маркированная форма “пахан”, указывающая на принадлежность слова к определённом жаргону, вызывает у читателя отрицательные представления. Французские “chef de file” и тем более “fonctionnaire” сами по себе не вызывают аналогичных ассоциаций, поэтому отрицательная оценочность наводится контекстом: прилагательным “véreux” или глаголом “tromper” (leurs peuples) — “обманывать свои народы”.

Сниженные варианты для обозначения руководителей государства, представителей власти были недопустимы в газете советского периода. Изменение оценочности многих понятий “своей” действительности”, которые имели положительный знак по отношению к идеологически “чужому”, приводит к созда-

нию новой стилистической газетной нормы. Одним из её направлений является “легализация” неофициального подъязыка, существующего в социуме параллельно с официальным. Это обусловлено, с одной стороны, стремлением к использованию новых средств газетной экспрессии и, с другой стороны, освещением актуальных негативных социально-экономических процессов. Так, например, проблемы теневой политики и экономики связываются с авторскими неологизмами “блатизация альтернативной экономики”, “блатаризация всей страны, всех систем управления, образа жизни, здравого смысла и языка” [47-91-11], исходящими из слов воровского аргота “блат” и “блатной”. Во французском соответствии “la criminalisation de tout le pays” эмоционально-оценочное, экспрессивное содержание русской метафоры стирается: эмоциональная оценка переходит в рациональную оценку прагмемы “criminalisation”.

Новым для политического лексикона является и семантический неологизм “сынки”, обозначающий последователей старой номенклатуры, выходцев из партаппарата, которым в тексте противопоставляются “профессионалы”. Политическое переосмысление основывается на словарном определении просторечия “сынкок” как ласкового обращения к молодому мужчине [4, 783], однако здесь подчёркивается не столько возрастной аспект, сколько преемственность новой и старой номенклатуры. Контекстное окружение — отрицательно оценочная прагмема “конфронтация” и слово “профессионал”, которое воспринимается позитивно как человек, знающий своё дело, специалист, — создают негативную окраску идеологизированной ЛЕ “сынки”:

“Откровенная конфронтация между выходцами из партаппарата, “сынками” и теми, кто называет себя профессионалами” [35-91-8].

Во французском тексте слово “сынки” имеет стилистический эквивалент — просторечное и фамильярное “fiston” (сынок, парень). Чтобы подчеркнуть переносный политический смысл слова, переводчик вводит дополнение “les fistons des apparatchiks”:

“La confrontation est évidente entre les promus du parti et les “fistons” des apparatchiks haut placés d’une part, et d’autre part, ceux qui s’appellent les professionnels”.

Окказиональные идеологические коннотации приобретают и такие непривычные для политического языка слова, близкие к “семейной” теме, как “кормилица” и “развод”, “бракоразводный процесс”.

В контексте, далёком от политики, эти ЛЕ воспринимаются по-разному: “кормилица”, “кормилец” — положительно как человек, содержащий кого-либо на иждивении или вообще дающий пропитание [4, 297], а “развод” — скорее, отрицательно как явление, связанное с разрывом семьи.

В политическом газетном тексте слова приобретают новые метафорические значения и чаще отрицательный идеологический компонент, который сочетается с иронией: “компартия, кормилица” (о льготах партноменклатуры) [47-91-11]; “солидная часть КПСС затеяла шумный “развод” со своим собственным генсеком” [18-91-5].

Во французском варианте ЛЕ “кормилица” заменяется выражением “le père nourricier”, так как “le parti” — муж-

ского рода. “Le père nourricier” имеет значения: муж кормилицы (архаичное) и приёмный отец [2, 738]. Переносное “le nourricier” означает “вдохновитель, наставник, духовный отец”. В политической метафоре “компартия кормилица” по замыслу автора акцентируются не духовные, а материальные блага, поэтому соответствующие коннотации слова раскрываются в контексте.

Определённая частотность ЛЕ “развод” [21-91-12; 18-91-5], “бракоразводный процесс” [35-91-1; 40-91-13] и употребление их разными авторами в близких контекстах свидетельствуют о появлении нового переносного идеологизированного значения: “расхождение во взглядах”, “размежевание”: “развод с генсеком” [18-91-5]; “развод с Союзом” [21-91-12]; “бракоразводный процесс с “постСССР” [51-91-13].

Если для русского политического дискурса функционирование слова “развод” является новым, то во французском языке это переносное значение ЛЕ “divorce” закреплено в словарях [8, 501; 9, 564].

Таким образом, лексика родственных отношений в обоих языках не является сугубо политической. В идеологическом узусе путём метафоризации она приобретает социальное значение и идеологический оценочный компонент.

В начале 90-х годов экстралингвистические факторы способствовали активизации функционирования данного лексического пласта. Для современного французского политического дискурса большинство ЛЕ (кроме “partis frères” и “divorce”) не характерны, поэтому во вторичном тексте они являются окказионализмами.

В новом политическом лексиконе сохраняется ключевое слово языка политики советского периода “брат”, “братский”, которое проходит смысловое и оценочное переосмысление, отмеченное только в двуязычном словаре В.Г.Гака 1993 года издания. Отрицательный идеологический компонент словосочетания “старший брат”, характерный для анализируемых текстов, не является общепринятым. Оценочный знак определяется языковым полем конкретного политического направления, что свидетельствует о полисемичности и полиэмоциональности данной ЛЕ.

“Семейная” лексика “Московских новостей” в указанный период приобретает, чаще всего, отрицательную оценочность, которая реализуется в самом слове благодаря необычности его формы и/или в контексте.

Идеологический компонент франкоязычных соответствий раскрывается преимущественно в контексте. В некоторых случаях это объясняется наличием в русском узусе отдельных форм для иностилевого употребления ЛЕ и отсутствием их в лексической системе французского языка, где используется универсальная форма для нейтрального стиля и арго, т.е. стилистическая и коннотативная дифференциация формально не выражена.

Смена политических оценок или привнесение идеологического компонента в семантику терминов родства обуславливают нередко иронию, понятную носителям русского языка, и не всегда доступную иностранному читателю, особенно, когда она основана на предыдущем историческом опыте.

В функциональном плане возможны следующие варианты линейных и векторных соответствий:

1. Рус. нейтральная ЛЕ		Франц. нейтральная ЛЕ Франц. фамильярная ЛЕ
2. Рус. стилистически маркированная ЛЕ		Франц. нейтральная ЛЕ Франц. стилистически маркированная ЛЕ
3. Рус. стилистически маркированная ЛЕ		Франц. нейтральная ЛЕ
4. Рус. стилистически маркированная ЛЕ		Франц. стилистически маркированная ЛЕ.

Русская лексика родственных отношений в политическом контексте более экспрессивна, поэтому первичный текст эмоционально насыщенной иноязычного аналога, где наблюдаются денотативное смещение или коннотативная недостаточность. Оценочный центр французской фразы может перемещаться вследствие стилистически неадекватных замен на другой член предложения или в макроконтекст. Отсутствие коннотативно значимых единиц вызывает потерю эмоциональной и частично когнитивной информации. Это приводит, в ряде случаев, к опущению, например, такого характерного для ключевых слов текущего момента стилистического приёма, как игра слов.

Контенционал русских и французских соответствий иногда очень различается в сторону большей конкретизации русской ЛЕ и большей обобщённости французского слова.

Новым для языка политики и газетной публицистики являются стилистически сниженные номинации государственных деятелей, в отличие от французской политической прессы, где довольно распространены разговорные формы и арго.

Идеологизация нейтральных слов связана с развитием новых политических смыслов, которые фиксирует газета. Некоторые из них существуют в лексической системе обоих языков, большинство же представляют собой окказиональные употребления, релевантные на сегодня в данной социальной общности.

Литература

1. Войцеховская Э.А. К истории французской общественно-политической лексики второй половины XVIII века: Дисс. канд. филол. наук. — М., 1974.
2. Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. — М.: Рус.яз., 1993.
3. Новое в русской лексике. Словарные материалы — 84 / Под ред. Н.З. Котеловой. — М.: Рус. яз., 1989.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М.: Рус.яз., 1991.
5. Солганик Г.Я. Лексика газеты (функциональный аспект). — М.: Высш. шк., 1981.
6. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. — М., т. 3, 1939.
7. Dictionnaire historique des argots français par Gaston Esnault. — Paris: Librairie Larousse, 1965.
8. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française par P. Robert. — Paris: Librairie Larousse, 1967.
9. Larousse de la langue française. Lexis. — Paris: Librairie Larousse, 1979.